

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.26

А.М. Илюшин

УРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика изучения археологических микрорайонов в России впервые была использована на восточнославянских древностях З.Я. Ходаковским и другими исследователями, начиная со второй четверти XIX века [2, с.4-20; 8]. В сибирской археологии она была удачно апробирована С.А. Теплоуховым в 1920-х годах, что нашло отражение в его обобщающей работе [39].

В этой работе считающейся одной из лучших в отечественной археологии, С.А. Теплоухов на материалах раскопок локальной территории в окрестностях с. Батени выделяет эволюционную колонку культур и распространяет выводы о чередовании слоев этой колонки на обширные территории [7, с.32]. Выводы сделанные С.А. Теплоуховым 80 лет назад об эволюции археологических культур Средней Сибири являются достоверными и сегодня, несмотря на накопление большой базы новых источников.

В дальнейшем эту методику при изучении сибирских древностей активно использовал М.П. Грязнов и его ученики. Наиболее ярко она представлена в двух монографиях «Древняя история племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» и «Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее» [3; 4].

В 1980-1990-х годах методика исследования археологических микрорайонов активно внедряется многими отечественными, в том числе и сибирскими археологами, что привело к появлению необходимости обобщения и осмысливания накопленного опыта. Первыми с этой инициативой выступили воронежские коллеги, которые в 1990 году провели конференцию «Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы». Однако сибирский опыт оказался более весомым, и омские коллеги проводят три конференции – «Археологические микрорайоны Западной Сибири» (1994 и 1997 годы) и «Археологические микрорайоны Северной Евразии» (2004 год), а также издают коллективную монографию «Нижнетарский археологический микрорайон» (2001 год).

В монографии, сборниках тезисов и статей, богато представлены эмпирические и теоретические результаты обобщения опыта по использованию методики исследования археологического микрорайона сибирскими археологами. Важным стало определение археологического микрорайона

как комплекса археологических памятников образующих единство в природно-экономическом отношении в конкретной экологической нише. Эта устойчивая система включает археологизированную культуру определенного социума и окружающую среду, и не может существовать без этих двух составляющих.

Такой подход позволил классифицировать археологические микрорайоны и выделить два их типа – концентрированный и рассеянный. Кроме этого в структуре археологического микрорайона были выявлены его компоненты. Такие, как – культурно-хронологический комплекс, культурно-территориальный комплекс, хозяйственно-культурный тип, археологическая культура, этнографо-археологический и археолого-этнографический комплексы, социальные процессы и культурные трансляции. Изучение этих составляющих требует определенной последовательности – составление археологической карты микрорайона, выявление культурно-хронологических и культурно-территориальных комплексов, а затем синтезированный анализ различных сторон жизни реальных социумов оставивших свой след в формировании археологического микрорайона [2, с.21-43].

Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция проводит полевые исследования на территории Кузнецкой котловины расположенной на северной периферии Саяно-Алтая с конца 1980-х годов.

Одной из составляющих этой работы является выявление и картографирование археологических памятников. Обобщая результаты этой работы по отдельным территориям нам удалось поставить вопрос о наличии двух археологических микрорайонов в Кузнецком Присалаирье – Касьминском и Урском [12, с.23-28; 13, с.47-49; 26, с.39-43]. В основе выделения этих археологических микрорайонов лежит географический признак, который выражается в особенностях историко-природного ландшафта. Насыщение отдельных участков долин рек Касьма и Ур большим количеством археологических разновременных объектов указывает на привлекательность этого региона в древности и средневековье у различных социумов с точки зрения среди жизнедеятельности. Изучение ландшафта археологических микрорайонов свидетель-

ствует о том, что эти участки, как правило, представляют собой микрокотловины в пределах Кузнецкого Присалаирья, которые за счет своего пониженного уровня имеют значительно больше биоресурсов по сравнению с близлежащими территориями. Последнее обстоятельство, вероятно, было важнейшей определяющей для различных социумов при выборе среды проживания и хозяйственно-культурной деятельности.

Применяемая нами методика исследования археологических микrorайонов является важнейшим инструментом для выработки схем эволюции и периодизации древностей Кузнецкой котловины [12; 26; и др.]. Результаты, полученные с использованием этого метода, позволяют не только формировать культурно-хронологические схемы микrorегионов Кузнецкой котловины, но и дополнять результаты, полученные при использовании традиционных подходов при решении вопросов хронологии и периодизации археологических памятников.

Урской археологический микrorайон был выявлен путем картографирования археологических памятников долины реки Ур, левого притока реки Иня. Анализ результатов картографирования показал, что в среднем течении р. Ур на относительно небольшой площади в 25-30 кв. км от д. Мостовая на западе до д. Саратовка на востоке сосредоточено более 30 различных археологических памятников (поселения, стоянки, курганные группы и могильники), которые соотносятся с кругом древностей с эпохи энеолита - ранней бронзы вплоть до нового времени.

Изучение природной среды этого микrorайона показало, что он воистину является неким «райским уголком». Ур в этом месте течет по дну глубокой котловины, ограниченной с востока и юга возвышенностью, носящей название Устюжинское плато, которое отделяет её от просторов Кузнецкой котловины. С севера и запада микrorайон ограничивают пересекающие долину реки гряды эолового происхождения, состоящие из лессового суглинка. Левым берегом река прижимается к известняковым склонам возвышенности, а правый берег представляет собой долину шириной до 4-6 км, сложенную из речных отложений. Микrorайон представляет собой участок лесостепи, изобилующий ручьями, болотами, озерами, старицами и заболоченными низинами с богатыми травостоем, кустарником и миниатюрными березовыми рощами, где обитают различные виды животных.

В этом относительно замкнутом пространстве разновременные древности располагаются как на левом высоком берегу, так и по правому – низком. Большинство памятников располагается на естественных водоразделах (преимущественно грявах – А.И.), но есть и такие, которые располагаются на подошвах склонов и даже в заболоченных низинах.

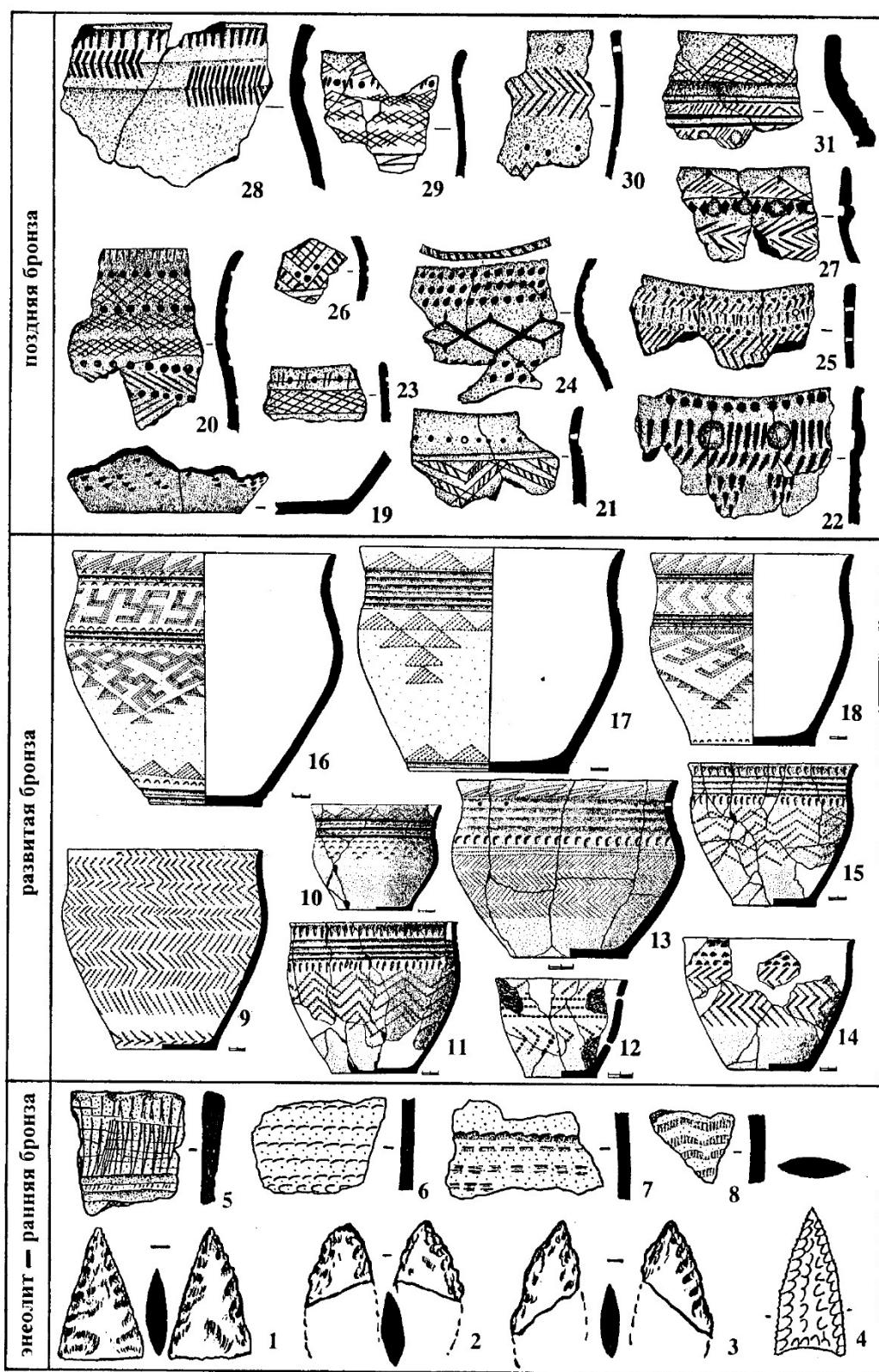
В пределах Урского археологического микrorайона с 1952 по 1965 годы крупномасштабные археологические работы проводила экспедиция Прокопьевского краеведческого музея под руководством М.Г. Елькина. В этой работе ему, в отдельные годы, активно помогали сотрудники Гурьевского краеведческого музея Ф.И. Александров и П.Н. Муштей [10, с.17-21; 11, с.24-26; 24, с.206-211]. В 1980-1990-х годах эпизодические археологические исследования на уровне археологических разведок и краеведческих походов в этом микrorайоне проводили В.А. Бобков, В.В. Бобров, В.Н. Добжанский, Ю.В. Ширин и А.В. Разинкин.

С начала 1990-х годов и по настоящее время планомерные исследования (раскопки и разведки) в продолжение работ М.Г. Елькина, ежегодно, проводят сотрудники Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. В результате этих работ А.М. Илюшиным, В.А. Борисовым, С.А. Ковалевским и М.Г. Сулейменовым открыты и обследованы более двадцати ранее не известных памятников [14, с.198-200; 16, с.278-280; 17, с.248-250; 18, с.229-231; 19, с.418-419; 20, с.407-409; 21, с.441-443; 25, с.170; 28, с.271; 27, с.326-327; и др.].

Среди исследованных памятников этого археологического микrorайона наибольший интерес с позиции современной историографии вызывают древности эпохи бронзы, так как они представлены богатым комплексом памятников расположенных на достаточно компактной территории и хорошо иллюстрируют сменяемость культурно-хронологических комплексов и археологических культур. Частично эти материалы и результаты их исследований уже введены в широкий научный оборот [13, с.47-49; 15, с.40-44; 22, с.196-198; 23, с.20-28; 34, с.182-183; и др.].

В настоящей работе мы постараемся схематично проиллюстрировать (таблица) культурно-хронологические комплексы и археологические культуры, которые фиксируются на территории Урского археологического микrorайона в эпоху бронзы. С этой целью изучим культурно-хронологические комплексы эпохи энеолита – ранней бронзы, развитой и поздней бронзы и на этой основе постараемся выявить культурно-территориальные компоненты.

Культурно-хронологический комплекс энеолита и ранней бронзы представлен материалами двух памятников – стоянка Дегтяревка и поселение Усть-Канда-2 (табл., 1-8). Первый памятник исследовал М.Г. Елькин и изначально отождествлял его с кругом древностей эпохи неолита [5, с.13]. Однако вопрос о датировке этой стоянки остается открытым и в настоящее время вполне можно допускать, что она может быть отнесена к кругу древностей энеолита. На Дегтяревской стоянке был обнаружен преимущественно каменный инвентарь (табл., 1-3) и незначительная коллекция

Урской археологический микрорайон. Культурно-хронологические комплексы и эволюция артефактов эпохи бронзы: 1-4 – наконечники стрел, 5-8, 19-31 – фрагменты посуды, 9-18 – реконструированные сосуды; 1-4 – камень, 5-31 – керамика; 1-3 – стоянка Дегтяревка (по М.Г. Елькину), 4-8 – Усть-Канда-2, 9-15 – Чудиновка-1 (по В.А. Борисову и А.М. Илюшину), 16-18 – Дегтяревка-1 (по Ф.И. Александрову), 19-30 – Саратовка-6, 31 – Саратовка-4 (по А.М. Илюшину)

миниатюрных фрагментов керамической посуды, отдельные экземпляры которой были украшены

гребенчатым орнаментом. Разведки и раскопки последних лет позволили выявить поселение

Усть-Канда-2, которое расположено в 0,5 км ниже по течению р.Ур от Дегтяревской стоянки и имеет близкие с ней материалы (табл., 4-8). Артефакты выявленные на этих памятниках (табл., 1-8) имеют аналогии в кругу древностей энеолита и ранней бронзы как в южнотаёжной, так и лесостепной зонах Западной Сибири [29; 30]. Наиболее вероятно датировка этих артефактов в пределах конца III – начала II тысячелетий до н.э., но вопрос об их культурной принадлежности остается открытым. Древности этого хронологического периода Кузнецкой котловины отождествляют с ирбинским или большемыссским типами памятников [1, с.8-9], имевших место в эпоху энеолита и ранней бронзы на лесостепных просторах Западной Сибири [9; 38; 29, с.43-45]. Не исключено, что оба этих типа памятников представлены в Урском микрорайоне, но делать окончательный вывод по культурно-территориальным комплексам пока рано.

Период развитой бронзы представлен двумя погребальными памятниками – Дегтяревка-1 (Ур) и Чудиновка-1 (табл., 9-18). Первый из этих памятников ранее отождествлялся с кругом древностей андроновской культуры [6], а затем с федоровской культурой [1, с.16].

Наши исследования в Урском микрорайоне показали, что два погребальных памятника эпохи развитой бронзы существенно отличаются друг от друга, как по технологии изготовления керамической посуды и её орнаментации, так и по погребальному обряду. Для чудиновцев был характерен способ захоронения по обряду ингумации в скорченном положении на боку, а у дегтяревцев господствовал способ захоронения по обряду кремации на стороне в грунтовых могильных ямах. Вторые использовали деревянные внутримогильные конструкции, а у другой группы населения их не было. По сути, это два разных археолого-этнографических комплекса, которые, вероятно, сосуществовали друг с другом небольшой промежуток времени в пределах урского микрорайона.

Более древним выглядит чудиновский археолого-этнографический комплекс, который имеет большой круг аналогий в древностях ранней бронзы и ранних этапах культур развитой бронзы юга Западной Сибири и Зауралья, а более молодым – дегтяревский, который отождествляется с кругом древностей федоровской культуры на завершающем этапе её развития. Наиболее вероятно датировка этих древностей в пределах XV/XIV-XII вв. до н.э. Не исключено, что разная составляющая курганных могильников Чудиновка-1 и Дегтяревка-1 по своей культурно-территориальной направленности связана с разными миграционными волнами федоровской археологической культуры на разных этапах её развития.

Древности поздней бронзы представлены на двух поселениях – Саратовка-4 и Саратовка-6 (табл., 19-31).

Наиболее ранние материалы представлены на поселении Саратовка-6, где исследован культурно-хронологический комплекс, который можно отождествлять с кругом постандроновских (постфедоровских – А.И.) древностей, который имел широкое распространение на территории юго-восточной части Западной Сибири [22, с.27; 23, с.20-28]. В этот круг включают еловскую культуру Томского Приобья (XII-X вв. до н.э.), корчаккинскую культуру Барнаульско-Бийского Приобья (XI-X вв. до н.э.) и общность культур валиковой керамики западносибирских и казахстанских степей (XI-VIII/VII вв. до н.э.) [31; 32; 36; 37; и др.].

Однако, черты культурного комплекса выявленного на поселении Саратовка-6, указывают на его индивидуальность и не позволяют на прямую связывать с каким-либо из выше названных культурно-территориальных комплексов. На поселении Саратовка-4 собрана коллекция керамики преимущественно ирменской археологической культуры, которая имела место на территории Кузнецкой котловины в IX-VII вв. до н.э. (табл.1, 31).

Ирменская культура имела широкое распространение на юго-востоке Западной Сибири в X-VII вв. до н.э. и представлена четырьмя вариантами – томским, новосибирским, верхнеобским и иртышским [33; 35; 40; и др.]. Необходимо отметить, что именно на территорию Кузнецкой котловины приходится большая концентрация ирменских археологических памятников, что указывает на особую роль этой культуры в древней истории региона. В целом, материалы поселений Саратовка-4 и Саратовка-6 позволяют датировать культурно-хронологический комплекс поздней бронзы Урского микрорайона в пределах XII/XI-VII вв. до н.э.

Проделанная работа позволила схематично (таблица) обозначить три культурно-хронологических комплекса, которые фиксируются на территории Урского археологического микрорайона в эпоху бронзы.

Древности энеолита и ранней бронзы не удалось отождествить с культурно-территориальными комплексами.

Культурно-хронологический комплекс развитой бронзы отождествляется с кругом древностей федоровской археологической культуры, которая представлена различными этапами своего развития.

Поздняя бронза включает в себя два компонента – постфедоровский (Саратовка-6) и ирменской археологической культуры (Саратовка-4).

Эти данные, полученные путем логического источниковедческого анализа, согласно методике исследования археологических микрорайонов являются стартовыми. Дальнейшая работа должна вестись уже на уровне реконструкций исторического содержания исследуемого микрорайона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобров В.В.* Кузнецко-салаирская горная область в эпоху бронзы: Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук в форме доклада. – Новосибирск, 1992.
2. *Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И. и др.* Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск: Наука, 2001, 256 с.
3. *Грязнов М.П.* Древняя история племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА, №48, 1956. 198 с.
4. *Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н. и др.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. - 167 с.
5. *Елькин М.Г.* Отчёт о результатах археологических разведок в Гурьевском районе Кемеровской области в 1953 году. Прокопьевск, 1953 // Архив ИА РАН, д. NP-1/843.
6. *Елькин М.Г.* Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 1. – Кемерово, 1967. С.89-95.
7. *Жук А.В.* Батени под лопатой С.А. Теплоухова: Археологический микрорайон? // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Тез. докл. Всерос. науч. конф. Ч. 1. – Омск, 1994. С.29-33.
8. *Жук А.В.* Генезис идеи археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: ОмГУ, 1997. С.43-75.
9. *Зах В.А.* Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск, 1997. 132 с.
10. *Илюшин А.М.* М.Г.Елькин - исследователь древностей Кузнецкой котловины // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова.: Докл. республ. науч. конф. Ч. 1. – Омск, 1992. С.17-21.
11. *Илюшин А.М.* П.Н.Муштей - исследователь древностей земли Кузнецкой // Современные проблемы исторического краеведения (К 375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области).: Тез. докл. рег. науч.-практ. конф. –Кемерово, 1993. С.24-26.
12. *Илюшин А.М.* Средневековые поминально-погребальные комплексы в Касьминском археологическом микрорайоне // Археологические микрорайоны Западной Сибири.: Матер. науч. конф. – Омск, 1998. С.23-28
13. *Илюшин А.М.* Древности эпохи бронзы в урском и касьминском археологических микрорайонах Кузнецкой котловины (сравнительно-исторический метод) // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. С.47-49.
14. *Илюшин А.М.* Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1999-2003 гг. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы-Омск: «Наука», 2004. С.198-200.
15. *Илюшин А.М.* Урской археологический микрорайон в эпоху бронзы // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск, 2004а. С.40-44.
16. *Илюшин А.М., Борисов В.А., Роговских В.С., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г.* Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 1997 года. – М., 1999. С.278-280.
17. *Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А.* Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 1999 года. – М.: ИА РАН, 2001. - С.248-250.
18. *Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А.* Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2000 года. – М., 2001а. С.229-231.
19. *Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А.* Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2001 года. – М., 2002. С.418-419.
20. *Илюшин А.М., Борисов В.А., Сулейменов М.Г.* Исследования Кузнецкой экспедиции // Археологические открытия 2003 года. – М.: Наука, 2004. С.407-409.
21. *Илюшин А.М., Борисов В.А., Сулейменов М.Г.* Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2004 года. – М.: Наука, 2005. С.441-443
22. *Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А.* Поселение Саратовка-6 – новый памятник эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Выпуск XII. – Барнаул, 2001. С.196-198.
23. *Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А.* Поселение Саратовка-6 // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001а. С.20-28.
24. *Илюшин А.М., Перминова Л.А.* У истоков краеведения и археологии земли Кузнецкой (памяти Ф.И.Александрова) // Кузнецкая старина. Вып. 2. – Новокузнецк, 1994. С.206-211.
25. *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.* Исследования в Кузнецкой котловине // Археологические открытия 1993 года. – М., 1994. С.170.

26. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс археологических памятников в долине реки Касьмы // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Тез. докл. Всерос. науч. конф. Ч. 1. – Омск, 1994. С.39-43.
27. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Борисов В.А., Ковалевский С.А., Герасимов А.Н. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 1996 года. – М., 1997. С.326-327.
28. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Роговских В.С. Разведки и раскопки памятников в Кузнецкой котловине // Археологические открытия 1994 года. – М., 1995. С.271.
29. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, 2002. 294 с.
30. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. – Барнаул, 2004. 294 с.
31. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы Степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990. С.104-128.
32. Кирюшин Ю.Ф., Шамишин А.Б. Корчакинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987. С.137-158.
33. Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. – Кемерово, 2004. 114 с.
34. Кукушкин А.И. Некоторые результаты статистической обработки андроновских керамических комплексов Южной Сибири // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Матер. XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Кемерово, 2004. С.182-183.
35. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993. 180 с.
36. Матющенко В.И. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. – Томск, 1974. 192 с.
37. Матющенко В.И. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. – Томск, 1974а. 42 с.
38. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977. 172 с.
39. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Т. 1, вып. 2. – М., 1927. С.41-59.
40. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М., 1994. 170 с.

Автор статьи:

Илюшин

Андрей Михайлович

– докт. истор. наук, проф. каф.
отечественной истории, теории
и истории культуры

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н. Белянин

СТОЛЫПИНСКАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

На рубеже XX – XXI вв. Сибирь и Дальний Восток оказались в кризисной демографической ситуации. Вследствие внутренней миграции центр России вобрал почти две трети населения, а Сибирь и Дальний Восток, богатые различными ресурсами и являющиеся преимущественно приграничными территориями, потеряли за последние 10 лет миллионы жителей. Политическое руководство страны высказывает опасения, что Сибирь и Дальний Восток слабо заселены и при этом имеют границу с густонаселенным Китаем. Заселенность территорий Сибири и Дальнего Востока и закрепление на них значительной численности постоянного населения имеют для России важнейшее не только социально-экономическое, но и geopolити-

ческое значение. Именно поэтому решение демографического кризиса в нашей стране имеет особое значение для регионов Сибири и Дальнего Востока. В приграничных районах с Китаем сложился огромный перепад демографического потенциала (плотность населения на китайской стороне в 15-30 раз больше, чем на российской), что создает угрозу национальной безопасности страны. В числе приоритетов демографической политики можно выделить оптимизацию процессов миграции и расселения. Демографические процессы в целом отличаются инерционностью своего развития (нельзя положительно изменить рождаемость и смертность в короткие сроки), тогда как миграция более подвержена внешнему воздейст-